

ВАЛЕРИЙ ПЕРЕЛЕШИН

СТИХИ НА ВЕЕРЕ

*Антология китайской
классической поэзии*

Посев 1970

ВАЛЕРИЙ ПЕРЕЛЕШИН

СТИХИ НА ВЕЕРЕ

*Антология китайской
классической поэзии*

Посев 1970

Поэт. Картина, приписываемая кисти художника
Сунской эпохи Ма Юаня, пейзажиста так называе-
мой Северной школы. Существует предание, что на
картине изображен Мын Хао-жань, стихи которого
представлены в настоящем сборнике.

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Поэзия народа, в течение пяти тысяч лет живущего культурной жизнью и, можно сказать, всю свою душу вложившего в свою письменность, представляет собою безбрежный океан. Каждый поэт-классик индивидуален, каждый отличен от всех других, и поэтому обобщения почти невозможны.

Однако, их всех обобщало знание литературы и истории, от которого зависело не только продвижение, но и сама государственная служба. Система государственных экзаменов требовала не столько творческой одаренности, сколько умения козырнуть изречением древнего авторитета: «мудрец (Конфуций) сказал», «второй мудрец (Мын-цзы) сказал», «Книга Стихотворений гласит» и т. п. и снабдить его остроумным комментарием. Кандидаты в «сюцаи», «цзиньши», «цзюй-жэни» (ученые степени) и даже в члены Ханьлиньской Академии, состязались, в сущности, в умении запоминать и находчиво цитировать. Все их внимание было обращено назад, на блестящие достижения предшествующих поколений мыслителей, поэтов и прозаиков. Этим консерватизмом китайской культуры объясняется целый ряд характерных осо-

бенностей занимающей нас области — классической поэзии Китая.

Отметим прежде всего склонность китайских поэтов даже Золотого Века (эпоха Танской династии: 618 - 913 гг. нашей эры) к заимствованиям из старых книг: на Западе «стихи о стихах» или «стихи о книгах» никогда не ставились слишком высоко, так как там господствовала лирика непосредственно пережитого, личного опыта, индивидуального восприятия. Иначе было в Китае: стихи классиков изобилуют историческими воспоминаниями, намеками на события и тексты, которые автор — не всегда справедливо — полагал известными читателю, и перифразами этих текстов и чужих стихов.

Вторая отличительная черта — условность. Некоторые метафоры создавали литературную моду: понравившееся словечко только выигрывало от повторения. Становилось обязательным именовать луну «серебряным блюдом», «обмерзшим колесом» или «золотым кольцом», а солнце — «сияющим драконом» или «летающим орлом». Подражание и даже заимствование никогда не считались грехами — сам великий Ли Бай заимствует целые строфы.

Говоря юридическим языком, в китайском поэтическом быту господствует прецедент, вырастающий в обычай и, наконец, становящийся законом. Таким образом, классическая поэзия приобретает черты формализма. Вырабатываются строгие правила просодии и метрики: более свободные по форме древние «гу-ши» застывают в кристаллические формы «люй-ши» (канонические стихи), устанавливаются незыблемые законы чередования тонов «ровного» и «колеблющегося», составляются таблицы рифм, основанные на созвучиях, ко времени составления этих таблиц давно исчезнувших из живого языка. Ко всему этому прибавляется еще требование обязательного параллелизма мыслей, особенно в первой и второй строках коротких стихотворений, то

есть соблюдения приема, дававшего сначала известный эффект, а потом, уже в Сунскую эпоху, ставшего унылым трафаретом.

Далее, китайский язык — односложный, и ударение приходится делать на каждом слоге. В русской поэзии делались аналогичные опыты, но искусственность их очевидна. Вот, например, из Марины Цветаевой:

«Конь рыж, меч ржав;
Кто сей? — Вождь толп.»

В китайской поэзии это уже не прием, так как язык состоит из несливающихся атомов — смысловых единиц, замкнутых в один неизменяемый слог. Отсюда происходит крайняя метрическая бедность китайской поэзии. Строгие «люй-ши» состоят из однообразных строф, обычно четверостиший, по пять или семь идеограмм в строке. Рифмуются иногда две, иногда три и очень редко все четыре строки.

Другая форма «цы», тоже древняя и по замыслу «протестантская», скоро стала еще более изощренной. Она требует строк разной длины, но всегда строго определенной, или обязательного противопоставления («в прошлом году — в этом году») или нагромождения рифм (до восьми) на одно слово. «Цы» — не единая форма. Мы насчитали до пятидесяти различных строф, каждая из которых не менее сложна, чем разработанный на Западе сонет.

Итак, китайский поэт был связан в своем творчестве: связан в словаре, в стиле, в размере, в рифме, в расположении тонов, в подаче содержания, но со всеми этими требованиями он справлялся весьма успешно. В силу этой многократной скованности китайских поэтов мы, переводя их стихи, придерживались следующих принципов:

1. Почти все «ши» переведены одним размером — ям-

бом, пятистопным для стихов по пять иероглифов в строке и шестистопным для стихов по семь иероглифов;

2. Отсутствие флексий в китайском языке мы пытались передать применением почти исключительно мужских рифм;

3. В соответствие канонической строгости рифм мы избегали применения ассонансов;

4. Поскольку в строфах имеется неопределенное число рифмующихся строк (от двух до четырех), мы размещали рифмы вольно, рифмуя, однако, не некоторые только, а все строки «ши» по двустигиям или перекрестно;

5. В длинных стихотворениях и в «цы» мы применили различные размеры (дактиль, пэон, паузник), меняя их там, где их меняют авторы.

6. Почти во всех популярных антологиях текст снабжается примечаниями. Поэтому мы дали в конце сборника краткие сведения об авторах, о переведенных стихотворениях и об отдельных выражениях, встречающихся в них.

Что касается содержания, то охарактеризовать его в двух словах, естественно, невозможно. В отличие от античной и европейской лирики, в китайской поэзии господствует не тема любви, а темы ностальгии, разлуки с другом, бренности земного существования. Китайские стихи более интеллектуальны и философичны; в западной поэзии больше эмоциональности и страстности. Но это — вопросы темперамента, душевного склада, мирочувствования.

По манере письма китайские стихи напоминают гравюры или картины с очень строгим подбором красок в один тон. Поэтому мы тщательно избегали «расцвечиванья», столь обычного у переводчиков: к чужому материалу они подходят со своими европейскими критериями, и этот материал кажется им «бледным». Оправдываясь этим, они дают волю собственной фантазии.

Например, одна переводчица (кстати, пользовавшаяся вместо оригинала переводами на западно-европейские языки)

признавалась, что ей многое у китайских поэтов казалось слишком тусклым, обыденным и прозаическим, и поэтому такое «бесцветное выражение», как «пришла весна», она, нимало не смущаясь, заменила «сугубо поэтической» строкой:

«Весна повеяла таинственным крылом.»

Мы предпочитали лучше терять собственные имена, повторения и несущественные детали, чем добавлять. Потери были неизбежны, потому что китайская строфа, содержащая, например, четыре строки по пять идеограмм, содержит вместе с тем двадцать слов или понятий. Русское слово имеет в среднем от двух до трех слогов (и часто больше), следовательно, в строфу умещается максимум десять слов-понятий. Удваивать число строк мы не хотели: миниатюра — это особый жанр, обладающий подчас неотразимым очарованием, которое исчезает, если миниатюра станет многословной. Четыре строки или восемь строк — разница огромная. Только в одном или двух случаях мы допустили незначительное увеличение числа строк (с восьми до десяти).

Читатель найдет в этом сборнике перевод одного стихотворения Ван Вэя, содержание которого свободно уместилось в те же, что и у автора, четыре строки. У той переводчицы, о которой мы упомянули выше, это стихотворение читалось так:

«Вернулся ты, о господин,
Оттуда, где родился я,
Из тех забытых мной равнин,
Где молодость прошла моя.

Я рад тому, кто принесет
Мне вести о селе родном.
Все так же солнце щедро льет
Лучи на мой родимый дом

Сквозь занавески на окне?
И сливу нашу видел ты —
Скажи же поскорее мне:
Свежи ль еще ее цветы?»

Здесь больше половины — «отсебятина», ненужная и непозволительная. Китайский литературный язык в высшей степени лаконичен: опускаются не только предлоги и союзы, но зачастую и местоимения. Растягивать стихи и делать из них пересказ, не ограниченный никакими принципами — значит не только не стремиться к «адекватности впечатления», но ослаблять, а то и вовсе убивать всякое впечатление. Приведенное выше стихотворение мы узнали только по «сливе под окном», да и то как далеко в этом пересказе цветы отодвинулись от окна!

СТИХИ НА ВЕЕРЕ

подаренном императору Ханьской
династии Чжэн-ди дамой его двора,
госпожею Бань Цзе-юй.

Я свежий шелк беру — как иней ранний,
Как чистый снег, прозрачна белизна —
Чтоб веер выкроить из этой ткани,
Веселый и округлый, как луна.

И ты, мой веер, избран и приближен,
В руке носимый иль под рукавом,
Послушен будь и верен, и подвижен:
Ласкай царя прохладным ветерком!

Но, праздники осенние чуть минут
И ветры севера прогонят зной,
Как я, забыт ты будешь — и закинут
Пренебрежительно в ларец резной.

ЛИ БАЙ

ЗАСТОЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Друг, посмотри:
Желтая с неба нисходит Река,
В море впадет — не воротится вспять!

Друг, посмотри:
Волосы утром черны, как шелка,
Вечером — в зеркале — снежная прядь.

Веселы будем в беспечные годы,
Кубков пустых не покажем луне.
Пользуясь смело дарами природы,
Деньги пропьем — и вернутся вдвойне.
Режьте корову, варите баранов;
Каждому выпить по триста стаканов!

Пил великий Цзэнь,
И его бокал
В пиршественный день
Отдыха не знал.

Песню тебе я спою:
Слушай внимательно песню мою.
Колокол и барабан из нефрита —
Что в них? лишь вечно нетрезвыми быть:
Мудрый и праведный всеми забыты,
Пьяниц одних не сумеют забыть!

Древле князь Чэнь веселился, и брагу
Хлебною мерой велел разливать.
Чтож о деньгах говоришь ты, о скряга,
Было бы только на что пировать!

Кони, одежда? — ничто не нужно!
Пусть твой слуга их отдаст за вино:
Всякую скуку развеет оно!

ЛИ БАЙ

ПУТЬ

Дорогим вином прозрачным налит кубок золотой,
И подносы из нефрита сплошь уставлены едой.
Но бокал я отставляю, палочки бросаю вдруг,
И рукой за меч хватаюсь, и в тоске гляжу вокруг.

Пересечь хотел бы реку — переплыть мешает лед,
На Тайхан взошел бы — снегом залепило небосвод.
Праздный, с удочкой я сяду на прибрежную траву
И во сне взойду на лодку, прямо к солнцу отплыву.

Правда, путь земной извилист и тяжел:
Кто во тьме тропинку верную нашел?

Лишь подымет добрый ветер задремавшую волну,
Парус облачный поставлю, в глубь лазурную скользну...

ЛИ БАЙ

ЛУНА

Ребенком я не знал, что за предмет луна:
Подносом яшмовым казалась мне она;
Волшебным зеркалом, в лазури облаков
Летающим, ее признать я был готов.

ПЕСЕНКА СЫЧУАНЬСКОЙ ЖЕНЩИНЫ

Быстрее стрел течение сычуаньских рек,
У сычуаньских лодок — полет, а не бег.
Уже десять месяцев, три тысячи *ли*,
И сколько надо лет, чтоб Вы назад дошли?

ЛИ БАЙ

СОЗЕРЦАТЕЛЬ

От разлюбленного удаляется мира Цзюньпин,
Но за это и мир оставляет Цзюньпина в покое:
Через смены пусть ищет Изменчивости он один,
Сокровенной Основы, что преобразует живое.

Размышляя о Дао, он будет часы коротать
За тяжелыми пологами одинокой светлицы,
Жить без радости, чтобы тщетою себя не пятнать...
Но порой и к нему залетят похотливые птицы.

Не затем ли и солнце висит, отовсюду видно
И во Млечном Пути над землею непрочной воздето?
Вот, незванные гости твои улетели давно,
Но по-прежнему тайна осталась запрятана где-то...

ЛИ БАЙ

ТРОЕ

Среди цветов я радуюсь вину.
Я здесь один — мне не с кем пить сейчас.
Подняв бокал, я приглашу луну
И тень мою, чтоб трое стало нас.

Луне вино, однако, ни к чему,
А тень, увы, лишь подражает мне.
И всё ж я их в товарищи возьму:
Мы музыкой честь воздадим весне.

Вот я запел: качается луна.
Вот я пляшу: тень мечется, верна.
Мы выпили — и тотчас разошлись,
А трезвые дружили мы вчера.
И кажется: в заоблачную высь
Переплеснет унылая игра.

ЧЖАН ЦЗИ

ОТВЕТ БЛАГОРОДНОЙ ДАМЫ

Я замужем — Вы не могли не знать.
Вдруг эти две жемчужины от Вас...
Я тронута. Мне хочется принять
И ими платяя оживить атлас.

На царские сады с балкона я смотрю,
А муж мой во дворе, и близок он к царю.
Я знаю, сердцем Вы — как солнце, как луна,
Но мужу моему я верная жена.

С жемчужинами Вам я шлю и пару слез:
Зачем мне встретить Вас до свадьбы не пришлось?

ПОСЛОВИЦА

Пусть многие скорбят о седине,
Но седина всегда приятна мне:
Так много умирает молодых,
Не доживая до волос седых!

ШИ ЦЗЯНЬ-У

МАЛЕНЬКАЯ ДЕВОЧКА

Вот маленькая девочка — ей только пять лет,
Она не сознает, что разумно, что нет,
Но кланяться новой луне у алтаря
Старается девочка, на взрослых смотря.

題袁氏別業

賀知章

登鶴鵲樓

王之涣

主人不相識

白日依山盡

偶坐為林泉

黃河入海流

莫謾愁沽酒

欲窮千里目

囊中自有錢

更上一層樓

ХО ЧЖИ-ЧЖАН

ВИЛЛА ГОСПОДИНА ЮАНЬ

С хозяином я, правда, не знаком,
Но в чудный сад войду я все равно.
Не бойтесь, заплачу я за вино:
Довольно денег в кошельке моем!

ВАН ЧЖИ-ХУАНЬ

ВОСХОЖДЕНИЕ НА БАШНЮ

Заходит солнце светлое у гор,
И в море Желтая Река течет.
Кому и этот тесен кругозор —
Еще на ярус выше пусть взойдет!

ГАЙ ЦЗЯ-ЮНЬ

В РАЗЛУКЕ

О, прогоните иволгу скорей,
Чтоб не кричала посреди ветвей:
Крича, она распугивает сны
Крылатые тоскующей жены.

ЛИН-ХУ ЧУ

ГРУСТЬ НАЛОЖНИЦЫ

Вот иволга уже и не поет,
Всё больше бабочек в моем саду.
Еще мгновенье — и весна пройдет...
Как долго я кареты царской жду!

ЛИ ШИ-ЧЖИ

**ПРИ ОТСТАВКЕ ОТ ДОЛЖНОСТИ
МИНИСТРА**

Власть уступив достойнейшим рукам,
Я пью вино и коротаю дни.
Из тех, что шли толпой к моим дверям,
Лишь верные придут сюда одни.

СУНЬ ДИ

НА ЗАМУЖЕСТВО ЦАРЕВНЫ

Там, на границе, тоже Новый Год,
Но слишком мало там цветов цветет.
Лишь ты, царица, с неба в ту страну
Низводишь очевидную весну!

ВАН ВЭЙ

ОДИНОЧЕСТВО

Один я в роще с лютнею моей, —
Ее рыданиям вторит гул лесной.
В густом лесу не встречу я людей,
Лишь ясный месяц светит надо мной.

ВСТРЕЧА С ЗЕМЛЯКОМ

Вы возвратились из родной страны.
Что происходит там, вы знать должны.
В тот день, как вы мой миновали дом,
Не расцвела ли слива под окном?

ВАН ВЭЙ

ОЛЕНИЙ ЛОГ

Людей в пустынных не найти горах,
Но голоса доносятся, тихи.
Лучи заката, преломясь в лесах,
Зеленые чуть освещают мхи.

БАНЬ ЦЗЕ-ЮЙ — МУДРАЯ КРАСАВИЦА

Я спальню заперла, и новых встреч
У нас не будет в комнатах дворцов.
Зато в садах весны, среди цветов,
Мой слышен смех и ласковая речь!

ЦЯНЬ ЦИ

ВИД НА ГОРУ КУАНЛУ

ЧЕРЕЗ ЯНЦЫЦЗЯН

Так близко быть, но до конца пути
Из-за дождя и ветра не дойти!
Быть может, в облачных пещерах тут
Былых времен отшельники живут?

ЦУЙ ХАО

ПО ПУТИ В ЧАНГАНЬ

О, господин, мне говор ваш знаком:
В каком краю, скажите, был ваш дом?
Речь земляка слышав, я ладью
Остановила тотчас же свою.

МЫН ХАО-ЖАНЬ

СОН ВЕСНОЙ

Рассвета не заметил я во сне,
Ни пеня птиц, слетевшихся к весне.
А ночью дождь и вихрь из темноты —
И без числа осыпались цветы!

ПОСЕЩЕНИЕ ЮАНЯ, ЦЕНЗОРА

В Лояне друга навещаю, тут
Живущего в изгнании много дней.
Я слышал, сливы раньше здесь цветут,
Но дома все-таки весна милей!

ЛЮ ХО

ПРОБУЖДЕНИЕ

Среди душистых трав я, пьяный, задремал.
Теперь мой хмель прошел. Уже почти темно.
Передо мной лежит поверженный бокал,
И гости разошлись, я думаю, давно.
Совсем не помню я, когда цветы я рвал,
И почему в руках моих цветов полно?

ОУ-ЯН СЮ

ПЕРВАЯ НОЧЬ ВЕСНЫ

Вся ночь новогодняя в прошлом году
Светилась, как день, от цветных фонарей.
Глядела луна из-за верхних ветвей
Разросшихся ив на веселых людей.

А в ночь новогоднюю в этом году
Все та же луна и разгул фонарей.
Все то же, но прежних не видно людей,
И слезы на тонкой рубашке моей...

ОУ-ЯН СЮ

ОДИНОЧЕСТВО

Не знаю, близки Вы, мой друг, иль далеки.
Мне холодно без Вас, мне скучно и противно.
Всё дальше, дальше Вы, и даже ни строки!
Кто рыбу проследит в большой разлив реки?

А ночью ветреной один напев тоски,
Да листьев горестных лишь ропот заунывный...
Я на подушке Вас ищу напрасно... Нет,
Сон не сбывается, и угасает свет!

СИНЬ ЦИ-ЦЗИ

ЛАСТОЧКИ

Прошлый год, как ласточки прилетели к нам,
Пологи оконные скрылись в сундуки.
За цветами свежими бродил я по межам
И в грязи запачкал и лютню, и стихи.

В этот год, как ласточки прилетели к нам,
Разве слышит кто-нибудь их веселый гам?
Пологов оконных не свернул еще никто!
Ливень нескончаемый хлещет по дворам...

МУЛАНЬ

Баллада о том, как во времена Лянской династии (502 - 556 нашей эры) дочь одного престарелого военачальника водила войска своего отца, переодетая в мужское платье. Автор и время написания этой баллады неизвестны.

Ткацкий станок у окна напевает,
Никнет, томится Мулань в тоске —
Громко и часто она вздыхает
И забывает о челноке.

Девушка, что ты, о чем загрустила,
Горе какое постигло опять?
Грусть не подходит девушке милой,
Девушке не о чем горевать!

Вести о новых военных попытках
Я получила вчера от гонца:
Ханский приказ на двенадцати свитках, —
Значится в каждом имя отца.

Нет у отца возмужалого сына,
Старшего брата у девушки нет.
Что ж! за конем я отправлюсь на рынок,
Вместо отца я добьюсь побед!

Лошадь на рынке восточном нужно,
Седла — на западном присмотреть.
Дальше узду я куплю на южном,
После — на северном рынке — плетъ.

Выйдя наутро из дома родного,
Ночью над Желтой Рекой ты спишь.
Плача не слышишь, ни тщетного зова —
Слышишь воды переплески лишь...

С берега утром поднявшись речного,
В сумерки к Черной пришла Реке.
Слышишь? Не стоны, не тщетные зовы —
То бубенцы у татар на луке!

Мимо застав на ^Рстовестные дали
Конь твой, как ветер, в горах летал.
Панцырь и шлем на морозе сверкали,
Стужа раскалывала металл.

Только закончив бои и погони,
Ты через десять вернулась лет.
Хан, восседая на пышном троне,
Принял героев своих побед.

Пир превосходный для них устроив,
Жалует земли и делит дань.
Лучший из лучших его героев,
Хочешь ли канцлером быть, Мулань?

Нет, я прошу одного верблюда,
Чтоб возвратиться домой опять.
...Мать и отец, услышав про чудо,
Вышли в предместье меня встречать.

Даже сестра, как на свадебный вечер,
Не пожалела белил и румян.
Мигом зарезаны ради встречи
Юношей-братом свинья и баран.

Вот я восточную дверь открываю
В комнату западную мою,
Воинский длинный наряд снимаю,
Прежнее платье достаю.

Вот я причесываюсь по-девичьи
И перед зеркалом пудрюсь моим.
Вот выхожу в незнакомом обличи
К старым товарищам боевым.

Воины, знайте, вы вместо брата
Были соратниками сестры.
Лапа у зайца сильна и мохната,
А у зайчихи глаза мокры.

Если же рядом два зайца мчатся —
Можно ли в этом разобраться?

БАЙ ЦЗЮЙ-И

ПЕСНЯ МАНДОЛИНЫ

Я с гостем ночью выехал до берега речного,
Где осень в кленах плачется, звенит меж камышей.
Сошел хозяин с лошади, гость в лодке медлит снова,
Но пить вино без музыки — не вдвое ли грустней?

Вино ли нас обрадует в печальный час разлуки?
Луна вот-вот утонет в безбрежности речной.
Вдруг, мандолины жалобной вдали заслыша звуки,
Гость позабыл о странствии, я — о пути домой.

Откуда эта музыка? — в пространство мы кричали,
Но замолкала музыка, не смела отвечать...
Мы выплыли на поиски, мы громко обещали
Вино поставить доброе и снова пировать.

Кричали мы настойчиво, и женщина пред нами
Предстала, мандолиною лицо полузакрыв,
И, плектром струны пробуя, легчайшими перстами
Едва-едва наметила задумчивый мотив.

О жизни неудавшейся звучали нам рассказом
И каждая струна у ней, и каждый переход.
Нахмурилась, потупилась — и всё хотела разом
Всю боль из сердца выплеснуть, что там давно живет.

Вот, мандолину с нежностью погладив, повернула,
И «Платье Пестрой Радуги» взлетело на простор:
В большой струне слышался бег дождевого гула,
А в малой — нескончаемый любовный разговор.

И гулом, и беседою та музыка звучала,
И сыпались жемчужины на яшмовый поднос,
А после — словно иволга среди цветов кричала
Или ручей взволнованный стремился под откос.

Вода в ручье холодная, и струны застывают,
И в паузе безмолвствует застывшая струна.
Тоска и к жизни ненависть так тяжелы бывают,
Что нам понятней музыки вещает тишина.

Вдруг — словно оземь грянули серебряною вазой
Или у конных латников зазвякали мечи,
И тотчас песня кончилась четырехструнной фразой,
Как будто бы на жалобе разорванной парчи.

И паруса на западе, и лодки на востоке
Молчали, и осенняя была луна бела,
Когда потом рассказывать про жизни путь жестокий,
Оправив платье, женщина печально начала.

— «Сюда пришла я издали: в местечке Сямолине,
Близ города столичного, моя семья жила.
В тринадцать лет постигла я игру на мандолине
И первой куртизанкою я скоро прослыла.

О, я была красавицей — бесились ученицы,
Учитель восхвалял меня, гордясь моей игрой,
Когда за эти песенки мне юноши столицы
Несли кусками красные шелка наперебой.

Серебряные гребни я без жалости ломала,
Пятнала платья тонкие изысканным вином.
Так год прошел, и год еще, и так прошло не мало
Осенних лун, весенних бурь в бездействии пустом.

В солдаты младший брат идет, а тетка умирает;
Как дни, как ночи краткие, ушла краса лица.
Всё реже кони пышные к воротам подъезжают,
И вышла замуж, старая, я просто за купца.

Купцу важны лишь прибыли, к разлукам он приучен:
Уж месяц, как уехал он, чтоб закупить чай.
А женщине безлюдный порт невыносимо скучен:
Луна, и отраженные чужие корабли!» —

Глубокой ночью женщина себе приснилась юной
И безутешно плакала у крашенных перил.
Я, мандолину слушая, вздыхал, как эти струны,
А внемля скорбной повести, и вовсе загрустил.

Две жертвы одинокие печальных приключений,
Мы на мгновенье встретились — зачем и почему?
Уж год живу изгнанником я в жалком Циньянчэне,
Больной от одиночества, ненужный никому.

Циньян — местечко бедное, и вот уж больше года
Я здесь живу без музыки, и грусть меня томит.
Мой дом стоит во впадине, где влажно, и у входа
Камыш растет, и дикая трава вокруг шумит.

Что слышу я до вечера от самого рассвета?
Кукушки вскрики резкие, да стоны обезьян.
Луна ли сердце радует, цветы ль весны и лета,
Я должен в одиночестве свой осушать стакан.

Здесь есть и песни горные, и сельские свирели,
Но к визгу и пиликанию я безучастно-глух.
Лишь вашей мандолиною сегодня вы сумели,
Как добрая волшебница, мой осчастливить слух.

Не уходите, сядьте же! и мне сыграйте снова,
И «Песню Мандолины» я придумаю для вас!
Она была растрогана приветливостью слова,
Волнующая музыка вторично раздалась.

Вновь зазвучала музыка, печальная до боли, —
Обоих нас растрогала чудесная игра.
Мы слушали и плакали. Я плакал о неволе:
Вся грудь рубашки шелковой от слез была мокра.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПРИМЕЧАНИЯ
К СТИХОТВОРЕНИЯМ

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПРИМЕЧАНИЯ К СТИХОТВОРЕНИЯМ

Стр. 3. Бань Цзе-юй — известная поэтесса. **Титул** «цзе-юй» (**изысканная красавица**) во времена династии Хань **присваивался** наиболее образованным из императорских наложниц.

Стр. 4. Ли Бай или Ли Бо (705 - 762), по прозвищу Тайбо, родом из Цинляньсяна в уезде Чанмин провинции Сычуань, самый популярный из поэтов Китая. При имп. Сюаньцзуне был назначен членом Ханьлиньской Академии и пользовался величайшим уважением и любовью, но однажды на пиру император приказал одному из придворных снять обувь, и тот, считая это для себя позором, ответил цитатой из стихов Ли Бо, направленных против фаворитки императора Ян Гуй-фэй. Поэт был послан в Елан. Новый император, Дайцзун, пожелал вызвать поэта ко двору, но оказалось, что Ли Бай только что перед тем умер. Всю свою жизнь Ли Бай прожил беспутно — он много скитался по стране, состоял в Кружке Восьми Бессмертных Пьяниц и, в конце концов, утонул в лодке, пытаясь поймать в воде отражение луны. Такова, по крайней мере, широко распространенная легенда о его смерти.

«Великий Цзэнь» упомянут в подлиннике с титулом «фуцзы», означающим мудреца (сравнить Кун-фуцзы — Конфуций). В той же строфе автор упоминает еще некоего «уроженца Даньцю» — мифической страны блаженных, находившейся где-то «за морем». Фамилия этого «блаженного» была Юань; он глубоко интересовался магией и алхимией. Ли Бай посвятил ему два стихотворения: «Песню облачного утеса Западной Горы, посвященную Даньцю-цзы» и «Песню Даньцю».

Строки о Чэньском князе взяты поэтом из поэмы Цао Чжи «Знаменитая столица», причем «князь Чэнь» — титул, пожалованный самому автору этой поэмы.

«Каждому выпить по триста стаканов» — заимствование из китайской истории, которые Ли Бай так любит. Юань Шао устроил пир в честь Чжэнь Юаня и старался напоить его пьяным. Пир продолжался с утра до самого вечера. Во время пира триста гостей вставали по очереди и пили по кубку вина с Чжэнь Юанем, который выпил более трехсот кубков вина, причем его лицо даже не покраснело.

Стр. 6. «Колокол и барабан из нефрита» — излюбленные украшения домов китайской аристократии прежнего времени.

Стр. 7. Ли — китайская верста.

Стр. 8. «Похотливые птицы» — пара фениксов, символизирующих похоть.

Стр. 9. «Заоблачная высь» — в подлиннике «Небесная Река», то есть Млечный Путь. В этом глубоко пессимистическом стихотворении Ли Бай выступает отнюдь не как эпикурец.

Стр. 10. Чжан Цзи, по прозванию Исунь, поэт Танской династии, занимал крупные административные посты. «Ответ благородной дамы» принадлежит к числу популярнейших в Китае произведений древней поэзии. Особенно часто цитируется последняя строка, которая, между прочим, использована в качестве названия одного китайского кинофильма.

Стр. 11. Пословица, по форме напоминающая изящно сделанное стихотворение, взята из сборника «Цэнкуан сяньвэнь», где она помещена под номером 103. Китайские пословицы, почти как правило, составлены симметрично и делятся на два полустихия с равным числом слогов в каждом. Очень часто, как в приведенной пословице, число строк доходит до четырех, причем они правильно и точно рифмуются.

Стр. 12. Ши Цзянь-у. Переводчик не нашел никаких сведений об этом поэте.

Стр. 13. Хо Чжи-чжан, по прозванию Цзичжэнь, поэт Танской династии, родом из Сымина. При императрице Ухоу был министром.

Стр. 14. Ван Чжи-хуань, поэт Танской эпохи. Башня Журавлей и Галок находится в городе Пучжоу в провинции Шаньси.

Стр. 15. Гай Цзя-юнь, поэт Танской эпохи. Авторство этого стихотворения, чрезвычайно популярного в Китае, сомнительно. Известная антология «Стихотворения тысячи поэтов» («Цянь-цзя-ши») приписывает его Гай Цзя-юню. Флетчер в «Gems of Chinese Verse» приводит его, как анонимное. В одном учебном пособии харбинского издания автором его

был назван Ли Бай. В оригинале стихотворение носит заглавие «Ичжоуская песенка» («Ичжоу-гэ»), причем, как сообщает комментатор «Цяньцзя-ши», Ичжоу — это древнее государство И-у, «находившееся за пределами Китая». В оригинале жена говорит, что иволга мешает ей улететь в Ляоси, то есть, теперешнюю Мукденскую провинцию в Маньчжурии.

Стр. 16. Лин-Ху Чу, поэт Танской династии, родом из Дуньхуана, первый министр императора Сяньцзуна. Лин-Ху — двойная фамилия.

Стр. 17. Ли Ши-чжи принадлежал к императорскому клану Танской династии, родоначальником которой был Ли Юань. При императоре Тяньбао Ли Ши-чжи был заместителем первого министра. Вместе с Ли Бо был участником кружка Восьми Бессмертных Пьяниц.

Стр. 18. Сунь Ди, поэт Танской эпохи, уроженец Бочжоу, чиновник. Царевна, о которой идет речь — дочь императора годов правления Юнлэ, выданная замуж за князя одного из вассальных владений.

Стр. 19. Ван Вэй (701 - 761), по прозвищу Мо-цзе, поэт Танской династии, родом из Тайюаньци, занимал различные административные посты и одно время был префектом Сучжоу. Одинаково знаменит, как поэт и как художник-пейзажист. О нем говорили, что «видя его картины, слышишь его стихи, а слыша его стихи, видишь его картины». Ван Вэй считается основоположником южной школы живописи. В течение всей своей жизни был верующим буддистом — носил скромное платье и питался растительной пищей.

Стр. 20. Бань Цзе-юй — см. примечание к стр. 3. Вместо того, чтобы интриговать и соперничать с другими придворными дамами, Бань Цзе-юй отдавала свои заботы цветам.

Стр. 21. Цянь Ци, по прозвищу Чжунсюань, поэт Танской эпохи, чиновник, уроженец Усина.

Гора Куанлу находится в теперешнем уезде Цзюцзян в провинции Цзянси и называется теперь Лушань.

Стр. 22. Цуй Хао, поэт Танской эпохи, уроженец Качжоу. Чангань — в пяти «ли» от уездного города Шан-юань провинции Цзянсу. В оригинале упоминается еще деревня Хэнтан, из которой происходят встретившиеся путешественники.

Стр. 23. Мэн Хао-жань, уроженец Сян-яна. Жил в уединении в Лумыньшане. Лоян — одна из древних столиц Китая.

Стр. 24. О Лю Хо переводчику ничего не известно.

Стр. 25. Оу-Ян Сю, по прозвищу Юншу, из Лулина (1007 - 1072), поэт Сунской династии. Оу-Ян — одна из весьма редких у китайцев двойных фамилий. Новый Год по лунному календарю считается началом весны, и поэтому в оригинале упоминается «весенняя рубашка».

Стр. 27. Синь Ци-цзи (1140 - 1207), поэт Сунской династии. Его имя было Ю-ань, а прозвание Цзя-сюань. Служил инородческой Цзиньской династии.

Стр. 28. Мулань, по-видимому, лицо историческое. Китайцы утверждают, что героиня происходила из племени мяо и носила фамилию Хуа. Согласно обычаям феодальной эпохи, князья обязаны были командовать своими отрядами лично или замещать себя сыновьями. Брат Мулань, подросток, не мог выступить вместо отца, и поэтому спасти честь рода выпало на долю Мулань, которая даже не была старшей дочерью. Подвиги Мулань послужили сюжетом для известной исторической пьесы, не сходившей со сцены китайских театров больших городов. Баллада «Героиня Мулань» весьма популярна в Китае: в Пекине часто можно было слышать, как ее пели на улицах.

Стр. 29. Желтая Река — Хуанхэ. Черная Река — Хэйшуйтоу. Государь, которому служит Мулань, в балладе называется «ханом» — или потому, что это был один из крупных вассалов китайского императора, или потому, что в этот период китайцы, под влиянием беспокоивших их кочевников, даже своего императора в просторечии называли ханом.

Стр. 30. Заяц символизирует только быстроту бега, но не трусость. В современном Китае заяц — бранное слово, так как китайцы убеждены, что зайцы «размножаются противоестественно» (!)

Стр. 31 - 34. Бай Цзюй-и, по прозванию Лэтянь или Сяншань, поэт Танской эпохи. Занимал высокие административные посты в царствование Юаньхэ. Наряду с Ли Бо, Ду Фу и Су Дун-по является одним из самых знаменитых поэтов Золотого Века китайской культуры.

В «Сборнике трехсот Танских стихотворений» тексту «Песни мандолины» предшествует введение, вероятно, авторское: «В 12-ом году эры Юаньхэ я был переведен на низшую должность младшего префекта в Цзюцзянское графство. Осенью следующего года я провожал одного гостя до Пэньпукоу. Услышал, что среди ночи кто-то играет на мандолине. Прислушался к звуку бряцания: это был столичный тембр! Оказалась куртизанка из Чананя. Училась играть на мандолине у двух великих мастеров — Му и Цао. Возрастом была уже пожилая, красотой увяла. Стала женой купца. Вернулись и приказали вина, чтобы охотнее сыграла несколько песен. Кончила песни. Жалобно рассказала о себе. Смолodu любила радость. Теперь стала безучастна ко всему. Много скиталась с места на место. Два года, с тех пор, как я был переведен сюда, я прожил спокойно и мирно. Слова женщины меня растрогали. В этот вечер я почувствовал горечь изгнания. Поэтому написал большое стихотворение и

преподнес ей. В нем шестьсот двенадцать иероглифов. Я назвал его Песней Мандолины».

Мандолина. Китайский музыкальный инструмент, о котором идет речь, называется «пи-па»: «грушевидная... в роде четырехструнной гитары» (Третьяков: «Дэн Ши-хуа», Москва, 1933, стр. 135).

Пэньпу — к западу от города Цзюцзян.

Циньян — в 15-ти «ли» западнее города.

Сямолин — в шести «ли» южнее уездного города Ваньнянь.

Юаньхэ — годы правления императора Сяньцзуна.

Му — лицо невыясненное. Цао — известный музыкант Цао Ган, живший при императоре Дэцзуне.

СОДЕРЖАНИЕ

Стихи на веере. Бань Цзе-юй	3
Застольная песня. Ли Бай	4
Путь. Ли Бай	6
Луна. Песенка сычуаньской женщины. Ли Бай	7
Созерцатель. Ли Бай	8
Трое. Ли Бай	9
Ответ благородной дамы. Чжан Цзи	10
Пословица	11
Маленькая девочка. Ши Цзянь-у	12
Вилла господина Юань. Хо Чжи-чжан	13
Восхождение на башню. Ван Чжи-хуань	14
В разлуке. Гай Цзя-юнь	15
Грусть наложницы. Лин-Ху Чу	16
При отставке от должности министра. Ли Ши-чжи	17
На замужество царевны. Сунь Ди	18
Одиночество. Встреча с земляком. Ван Вэй	19
Олений лог. Бань Цзе-юй — мудрая красавица. Ван Вэй	20
Вид на гору Куанлу через Янцзыцзян. Цянь Ци	21
По пути в Чангань. Цуй Хао	22
Сон весной. Посещение Юаня, цензора. Мын Хао-жань	23
Пробуждение. Лю Хо	24
Первая ночь весны. Оу-Ян Сю	25
Одиночество. Оу-Ян Сю	26
Ласточки. Синь Ци-цзи	27
Мулань	28
Песня мандолины. Бай Цзюй-и	31
Краткие сведения об авторах и примечания	37

КНИГИ ВАЛЕРИЯ ПЕРЕЛЕШИНА

В ПУТИ — первый сборник стихотворений (1937)

ДОБРЫЙ УЛЕЙ — второй сборник стихотворений (1939)

СКАЗАНИЕ СТАРОГО МОЛЯКА — перевод поэмы С. Т. Кольриджа (1940)

ЗВЕЗДА НАД МОРЕМ — третий сборник стихотворений (1941)

ЖЕРТВА — четвертый сборник стихотворений (1944)

ЮЖНЫЙ ДОМ — пятый сборник стихотворений (1968)

ПРИГОТОВЛЕНЫ К ПЕЧАТИ

КАЧЕЛЬ — шестой сборник стихотворений

ЛИ САО — перевод поэмы Цюй Юаня (с китайского)

ЦАРЬ САУЛ — драматическая поэма

ЗАПОВЕДНИК — седьмой сборник стихотворений

ПОЭМА О МИРОЗДАНИИ

ДУХОВНАЯ ПЕСНЬ — перевод поэмы св. Иоанна от Креста (с испанского)

ТЕНЬ НА ЗАНАВЕСКЕ — вторая антология китайской классической поэзии

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ

ЮЖНЫЙ КРЕСТ — антология бразильской поэзии

Сборники «Жертва», «Южный Дом» и «Стихи на все»
могут быть приобретены от

Книжного магазина издательства «Посев»

„Possev“-Verlag, 623 Frankfurt/M. - Sossenheim, Flurscheideweg 15, Germany
Sr. V. F. Salatko-Petryshche: 229, Rua Djalma Ulrich, apto. 802, Rio de Janeiro (37), Gb., Brasil

Mrs. O. Koreneff: 37, Albert Street, Strathfield, 2135, N.S.W., Australia

Цена каждого сборника 2 американских доллара